

Е. Л. ЛАНН

Слова и мысли Волошина <в записи Е. Л. Ланна>

**СЛОВА И МЫСЛИ ВОЛОШИНА
(Запись Е. Л. Ланна. [1925 г.]**

Человек и жизнь

I. Всякое наше чувство, слово, мысль имеют внутреннюю реальность.

II. В каждом человеке есть духовная сила, которая может противиться грубой силе.

III. Наибольшей опасности подвергается палач, а не жертва.

IV. Человек может существовать без полицейской безопасности, но каждый имеет ту власть, которая позволяет ему заклинать демонов.

V. Я с революции «внутренне волил». Было отвращение к целесообразному действию. Я не стал более активен в жизни, но появился волевой элемент.

VI. Жизнь есть там, где взрыв, а не там, где есть целлулоидный гребешок (к нитроглицерину прибавить салиц<иловой> кислоты).

VII. [Сострадаете ли вы мучению другого? (Е<вгений> Л<анн>)]. Растроганность есть, но не от события. Мучает зрелище несчастья.

VIII. Каждый человек есть ангел в дьявольской личине. От меня зависит, призвать ли человека морального либо подлеца.

IX. Если вы внутренне достаточно сильны для того чтобы космически почувствовать силу добра, то вы увидите, что в человеке больше добра, чем зла.

X. Я никогда не презирал человека, с которым говорил. Я уважаю отдельного человека.

Бог

I. Молитва за человека есть победа над человеком.

II. Нужно молиться за палача, а не за жертву.

III. Всякий религиозный человек насильник, а я — не насильник.

IV. Нет одинаковой заповеди для двух разных людей.

V. Грех есть путь ко Христу, а не от Христа.

Социальный строй

- I. Нужно жить вне заработной платы.
- II. [Зачеркнуто несколько слов. — *Ред.*]
- III. Когда печатались мои стихи бесплатно, я был очень рад.
- IV. Справедливость всегда приводит к насилию.
- V. Члены Конвента — Вертеры, не застрелившиеся в 20 лет.
- VI. Война двух народов — физиологическая спазма любви.
- VII. Я революцию давно ждал и боялся худшего. Но она оказалась менее страшна.

Мораль и воля

- I. Моральный долг заключается в том, чтобы никогда то, что даешь, не возвращалось тому, кто дал, а переходило третьему.
- II. На реакции теософии я понял, что чистое напряжение воли не менее реально (напряжение — молитва), чем «реальное».
- III. Моя мораль — не борьба со злом. Не отвержение зла, а преобразование зла.
- IV. Моральные заповеди с «не» — не убий и т. д. — очень относительные заповеди. Только те заповеди, которые без «не» — заповеди: делай, люби, гори.
- V. Вместо всех «не убий», «не укради» есть одна заповедь — «люби».
- VI. Нужно почувствовать себя виновным за все, что человек делал и делает.
- VII. «Морально» — это значит видеть всю сумму положительных вещей, а не отрицательных.

Стих

- I. Основа стихов — краткость. Чем меньше слов, тем сильнее выразительность. Я часто повторял про себя: стих — формула. Я старался, чтобы каждый стих был формулой.
- II. Менять строгий стих на свободный — это все равно что писать разными почерками. Главное — найти окончательную формулу.
- III. Грань между стихом и прозой — степень конденсации. Творчество лежит в подсознательном, но сознательное необходимо, как горное каменное русло для рек, которые срываются с гор.

Личная литературная карьера

- I. Моих заданий я не выполняю; я знаю это. Теперь меня может вывести только одиночное заключение. Но я не хочу этого вызывать. Если придет — хорошо.

II. [Что вы будете делать? (Е<вгений> Л<анн>)]. Я никогда не ставил себе определенных заданий. Я ставил себе: что я должен выразить?

III. Вся моя литературная деятельность была не открытием дверей, а закрытием. В 1913 г. я покончил с русской литературой и уехал в Коктебель (потом до 1916 г. за границу).

IV. Меня травил. Почему? До конца я не понимаю. В каждой моей газетной статье — я давал «свои» мысли, а этого не прощают. Я привык писать и говорить в одиночестве.

V. Мне нужно отвязаться, отдать (издать) лирику 1910–1914 гг. и «Россию».

VI. Мое задание раньше — понять роль России в мире. Ответ — «Неопалимая Купина» (сборник). «Путями Каина» — ответ на вопрос, в чем роль Европы. До конца дней будет меня занимать тема *Человек*, отчасти в св. Серафиме.

Писательская судьба Максимилиана Волошина

Тридцать лет минуло с того года, когда впервые в печати появилось имя Максимилиана Волошина. Было это в 1895 г. в Феодосии. Имя значилось под стихотворением «Памяти Виноградова» в сборнике, посвященном умершему В. К. Виноградову — крупному феодосийскому общественному деятелю, директору той гимназии, где учился поэт.

А через пять лет в майской книге «Русской мысли» впервые именем Волошина была подписана статья «В защиту Гауптмана», посвященная переводам Бальмонта.

Итак, две даты: в истекшем 1925 г. исполнилось тридцать лет работы Волошина-поэта и двадцать пять — художественного критика.

Странная писательская судьба! С одной стороны — списки стихов, проникающие в Сибирь из Японии (как они попали туда — неведомо), а с другой — рядовые читатели стихов помнят из всего Волошина «В вагоне», а из позднейших «Стенькин суд», «Дметриус император»¹, и составители разных «Чтецов-декламаторов» никогда не забывают поместить первое стихотворение рядом с парой других столь же показательных. Кажется, и составитель, и читатель молчаливо согласились считать поэта автором этих трех-четырёх опусов — не больше. И рядом с этим читатель, не зная того, что Волошин написал, считает поэта в ряду зачинателей русского символизма, соратником Блока, Белого, Вяч. Иванова, Бальмонта, считает его слегка... классиком.